

М. Б. СВЕРДЛОВ

ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ ШАСКОЛЬСКИЙ
(1918—1995)

И. П. Шаскольский был одним из наиболее эрудированных отечественных историков в новейший период. Он был коренным петербуржцем, в Петербурге-Ленинграде прожил всю жизнь, кроме двух лет эвакуации, и Петербург, который И. П. великолепно знал и любил, определил его облик интеллигента и ученого.

И. П. родился 31 октября 1918 г. в Петрограде.¹ Его отец, Павел Борисович, был в годы гопа аптекарем, владельцем известной в городе аптеки, позднее — инженером-химиком на заводах химико-фармацевтической промышленности. Мать, Мария Платоновна, происходила из рода Малочетовых, один из которых был воспитателем трех дочерей Павла I — Марии, Анны, Екатерины и получил при Екатерине II дворянство. В советское время она работала директором школы рабочей молодежи, заведовала районной библиотекой. Так что И. П. прошел обычные для интеллигентной семьи, на которую не обрушились репрессии сталинского режима, стадии среднего и высшего образования: немецкая школа Петришулле (до ее закрытия, отсюда его прекрасное знание немецкого языка), средняя школа, вуз.

И. П. учился на историческом факультете Ленинградского университета в 1936—1941 гг. Он прошел подготовку по двум отделениям — историческому и археологическому. Средневековую русскую историю и источниковедение преподавали тогда М. Д. Присяжков, который был научным руководителем И. П., С. Н. Вазк, В. В. Мавродин, И. И. Смирнов, М. К. Каргер и др. Археологическим отделением заведовал известный специалист по восточноевропейской археологии и скандинавским древностям на Руси В. И. Рандоникис. Читали лекции и вели семинарские занятия ученые мирового класса: историю средних веков — О. А. Добниш-Рождественская, А. Д. Любимская, М. А. Гуконский; Древний Восток и античность — В. В. Струве, С. А. Жебелев, С. Я. Лурье. Студен-

¹ При написании статьи использованы материалы личного архива И. П. Шаскольского. За предоставление этой возможности автор искренне признателен семье Шаскольских. Список трудов И. П. Шаскольского, подготовленный Т. П. Шаскольской, будет опубликован отдельно.

тами и аспирантами факультета были А. Г. Машков, А. И. Копацев, В. Т. Пашуто, Я. С. Лурье, Д. Н. Альниц, которые вскоре после Великой Отечественной войны стали крупными специалистами по истории средневековой России и источниковедению. В этой высоко профессиональной среде специалистов разных поколений, талантливой молодежи И. П. занял активную творческую позицию. В студенческие годы он начал самостоятельные научные размышления, тогда как организация студенческой научной работы в виде научных кружков (в их работе участвовали также профессора и доценты) всячески такие исследования поощряла (И. П. являлся председателем кружка истории СССР и секретарем бюро научных кружков исторического факультета).

Сложным и противоречивым по содержанию был период второй половины 30-х годов. Волны сталинского террора прокатывались по стране, накрывая также исторический факультет Ленинградского университета, унося в вечность, в тюрьмы и лагеря некоторых из его профессоров, преподавателей и студентов. И. В. Сталин своими «указаниями», прямыми вторжениями в историческую науку затруднял и деформировал исследовательский процесс. Однако в историческую науку массами вливались новые поколения молодых исследователей. Профессорско-преподавательский состав факультета как и коллектив ленинградских историков в целом сохраняя традиции Н. П. Павлова-Сильванского, в советский период А. Е. Преснякова и Б. Д. Грекова в изучении средневековой истории России как страны с феодальным общественным строем. Он поддерживал высокие принципы источниковедения и археографии в изучении отечественных и иностранных источников, вспомогательных исторических дисциплин. Вместе с тем создавались новые традиции изучения средне-

вековой Руси в комплексном анализе разных по происхождению источников с широким привлечением археологических, лингвистических и сравнительно-исторических материалов. Такая обстановка в научной среде Ленинграда и на историческом факультете университета попреки обстоятельствам сталинского режима способствовала росту нового поколения молодых специалистов, которые продолжали традиции «петербургской школы историков».

Основная тема научных интересов И. П. определялась очень рано — отношения Руси со скандинавскими странами в IX—XVIII вв. Эта проблема, как бы предопределенная Петербургом, имела давние традиции прежде всего в «петербургской школе». В новейшей для того времени литературе это были труды Г. В. Форестера по «балтийской проблеме», Ф. А. Брауна, В. А. Брима, Е. А. Радзевской — по изучению скандинавских письменных источников и истории русско-скандинавских отношений в IX—XIV вв. В. И. Равдоникас вводил в научный оборот скандинавские археологические памятники Восточной Европы. Все эти обстоятельства объективно способствовали обращению И. П. к изучению данной обширной и многоплановой проблемы, они же создавали условия для ее углубленного исследования. Если в скандинавистике И. П. продолжил традиции Ф. А. Брауна—Е. А. Радзевской, то научное руководство М. Д. Присьелкова воспитывало источниковедческую культуру в изучении и использовании древнерусских средневековых письменных источников.

Избранная И. П. проблема имела значительные возможности тематического расширения — от «варяжского вопроса» до отношений скандинавских стран и России в XVIII в. В конце 30-х годов она приобрела также особое общественно-политическое значение в связи с политической активностью СССР в Прибалтике, «символом» войны с Финляндией, присоединением к СССР Эстонии, Латвии и Литвы. На профессиональном уровне двадцатилетний студент еще на третьем курсе подготовил рукопись «Борьба русского народа за неские берега», которая была обсуждена 16 февраля 1939 г. на заседании студенческого кружка. Обсуждение ее велось на высоком уровне научных требований. Выступили М. Д. Присьелков, М. К. Каргер, М. А. Гуконский. Присутствовал руководитель кружка И. И. Смирнов. Подготовленное исследование было рекомендовано к печати и издано в виде отдельной книжки в 1940 г.²

Темам борьбы Руси с крестоносным движением с Запада, с экспансией Швеции на Балтике в XIII в. И. П. посвятил в 1940—1941 гг. несколько работ. В них он нашел новый исследовательский аспект — история финно-угорских народов Финляндии и Карелии, их взаимоотношений с Русью, в частности с Новгородом, их борьбы против шведской экспансии. В связи с этими сюжетами в круге интересов И. П. появилась новая тема — история финского, эстонского и карельского народов. Особой исследовательской темой в дошедших работах И. П. стало изучение истории народов Восточной Прибалтики, их отношений с Русью.

² Шахтельский И. П. Борьба русского народа за неские берега. М., 1940.

И. П. закончил университет с отличием. Он был прекрасно подготовлен профессионально и мог бы продолжить обучение в аспирантуре. Но уже началась Великая Отечественная война. И. П. не был мобилизован вследствие значительной потери зрения, но он работал в формировании ПВО университета, а в августе до октября находился на строительстве оборонительных рубежей под Ленинградом, за что позднее был награжден медалью «За оборону Ленинграда». В марте 1942 г. И. П., больной дистрофией, был эвакуирован из осажденного города, а в Ярославле госпитализирован в связи с тяжелым состоянием здоровья. После выздоровления он был направлен на должность заведующего отделом народного образования Арефинского райисполкома Ярославской области.

В 1944 г., после снятия блокады, И. П. вернулся в Ленинград. Осенью этого года он поступил в аспирантуру исторического факультета Ленинградского университета и закончил ее в 1947 г. Кандидатская диссертация на тему «Борьба Новгородца со Швецией и Норвегией до 60-х годов XIII в.» была успешно защищена 24 июня 1947 г. Новым в этой диссертации, помимо широкого привлечения ранее мало изученных источников и сведений в научный оборот новых исторических фактов, стал анализ активной и самостоятельной роли и русско-скандинавских отношениях народов Финляндии и Карелии, по-новому решались многие источниковедческие и конкретно-исторические вопросы. В частности, И. П. изучил политику Александра Невского. Совершенствуя знание источников, он пришел в этом и последующих исследованиях к важнейшим наблюдениям под реальным содержанием Невской битвы, отметил, в частности, отсутствие в шведском войске ярла Биргера. Исследования И. П. по теме диссертации были опубликованы в ведущих тогда научных изданиях — «Вопросы истории» и «Исторические записки». Однако в условиях послевоенных гонений сталинского режима, террора в связи со сфабрикованным Ленинградским делом И. П. не мог попасть на работу в ленинградские научные центры. Поэтому с августа 1949 г. он начал работать старшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Карело-финской фли (вскоре — филиала) Академии наук СССР. С этим институтом он уже сотрудничал с 1947 г. при подготовке трехтомной «Истории Карелии».

Направленность и содержание исследований определялись в конце 40-х — начале 50-х годов духом «холодной войны», внутригосударственного террора, идеологическими кампаниями сталинского режима. Поэтому в научных разысканиях тех лет особо подчеркивались темы шведской экспансии, нападения курляков как главного организатора крестоносной агрессии 1240—1242 гг. против Руси и борьба Александра Невского против этой агрессии. Эти темы были широко распространены в советской литературе тех лет. Но в отличие от разухабистых, иногда малограмотных псевдопатристических сочинений И. П. исследовал эти вопросы на академическом уровне. При подготовке «Истории Карелии с древнейших времен до середины XVIII в.» (он являлся вместе с Р. Б. Мюллер основным автором этого коллективного труда) И. П. приходилось также исследовать проблемы, которые еще предстояло изучить монографически: шведская экспансия на северо-западе России в конце XVI —

начале XVII в., Столбонский мир, Карелия в первой половине XVIII в. Несоответствие академических методов исследования сложнейших проблем идеологическим установкам сталинского режима стало причиной тяжелейшего в те годы обвинения в связи с подготовленными И. П. главами «Истории Карелии» в характеристике, подписанной директором Института истории, языка и литературы и датированной 30 января 1953 г.: «<...> т. Шаскольский И. П. в силу недостаточной идейно-политической подготовки допустил серьезные методологические и политические ошибки, в результате которых эти главы оказались непригодными к печати» (уже был обречен и опубликован макет тома).

Нетрудно догадаться, какое будущее ждало И. П., если бы сталинский режим продвигался. Однако научная общественность поддержала И. П. В. Д. Бонч-Бруевич, директор Музея истории религии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, дал согласие в 1953 г. на прием И. П. в штат на работу несмотря на такую характеристику. Изучение истории религии стало для И. П. на какое-то время необходимой дополнительной темой и соответствию с выполняемой должностью. Но уже в 1956 г. он перешел на работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР на должность младшего научного сотрудника, где он стал позднее старшим и ведущим научным сотрудником, защитил докторскую диссертацию.

И. П. продолжил исследования по истории Карелии и русско-скандинавских отношений. В 1955 г. в Москве в авторитетном академическом издании «Очерки истории СССР» были опубликованы те разделы, которые получили такую суровую оценку в Петрозаводске в 1953 г.³ Новыми направлениями в данной проблематике для И. П. стали архивные разыскания и анализ русско-шведских отношений в XVII в., что нашло выражение в значительной серии статей, в аннотированных обзорах и публикациях источников, в частности совместно с сотрудниками Центрального государственного архива древних актов, по истории русско-шведских экономических отношений, в странах Восточной Прибалтики, в монографиях по истории внешне-политических и экономических отношений России со скандинавскими странами и Финляндией, со странами Восточной Прибалтики в XII—XVII вв.⁴ Неопубликованным еще остается обобщающий труд «Экономические отношения России и Шведского государства в XVII в.».

Постоянным параллельным направлением исследований И. П. продолжала оставаться история финно-угорских народов Карелии, Финляндии и Ингерманландии (Ижорской земли). Здесь его иссле-

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., 1955. С. 538—554, 563—576, 628—640, 648—660.

⁴ Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: Сб. док./Сост. и комм. М. Б. Давыдовой, И. П. Шаскольского, А. И. Южа. М., 1960; Русские источники по истории Восточной Прибалтики IX—XVII вв. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970; Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке: Документы из советских архивов / Сост. и комм. М. Б. Давыдовой, Х. А. Пилипович, И. В. Спиридовой, И. П. Шаскольского, М. Столбова, 1978; *Шаскольский И. П.* 1) Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. М., 1987. 2) Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии, конец XIII—начало XIV в. Петрозаводск, 1987; и др.

довательские интересы привлекали вопросы этногенеза, экономики, включая историю крестьянства и земледелия, сложные судьбы этих народов в политическом соперничестве Швеции и России в XII—XVIII вв. Особое внимание уделял И. П. истории карелов и составе Руси, от Новгородского государства до Российской империи.

Начиная с 50-х годов в исследованиях И. П. появились также две постоянно разрабатываемые темы — «варяжская проблема» и историческая география. Историческую географию России И. П. изучал во всех ее аспектах: историческую этническую географию (прежде всего Карелии, Финляндии, Восточной Прибалтики, Ингерманландии), экономическую географию (торговые пути, экономическое районирование), политическую географию, локализацию, географию и топонимику городов и сельских поселений, топонимику, историческую картографию, географические знания и открытия. И. П. не написал обобщающего труда по исторической географии Восточной Европы или ее Северо-Запада, но его исследования внесли значительный вклад в создание ее целостной картины. Работы по классификации видов историко-географических исследований, труды во всех их жанрах, совершенствование методов изучения, введение новых исторических источников привнес И. П. заслуженное уважение — с 1981 г. он являлся председателем секции истории географических знаний Всесоюзного географического общества СССР АН СССР (ныне — Русское географическое общество РАН).

В отличие от историко-географических размышлений интенсивное изучение с 50-х годов так называемой «варяжской проблемы» вышло за пределы историко-географических исследований и стало обобщающим выражением в монографиях и дополняющих ее статьях по историографии вопроса.⁵ «Варяжская» или «норманнская» проблема — вопрос о роли скандинавов в истории Руси — со времени своего появления в середине XVIII в. была насыщена сложнейшими противостоящими друг другу комплексами идейно-политических противоречий, которые проецировались на начала Русского государства и формулировались в двух противоположных по содержанию тезисах: Русское государство было основано норманнами и Русское государство стало следствием внутренних восточноевропейских процессов без участия скандинавов или при их минимальном участии. Данное научное противостояние постоянно подогревалось патристическими и псевдопатристическими кампаниями в России, а также всплесками антирусских истерий в разной связи на Западе. Распространяясь на интерпретацию источников, такие постулаты научного и ненаучного происхождения вели к преувеличению варяжского фактора норманистами, тогда как антинорманисты отрица-

⁵ Шаварский И. П. 1) Норманнская теория в современной буржуазной науке. М.: И., 1965; 2) Вопрос о происхождении имени Руси в современной буржуазной науке // Критика новейшей буржуазной историографии. Сб. ст. Л., 1967; 3) Recent Development in the Normand Controversy // Varangian Problems, Copenhagen, 1970 (Scando-Slavica, Supplementum 1); 4) Норманнская проблема в советской историографии // Советская историография Киевской Руси. Л., 1978. С. 152—165; 5) О роли норманнов в Древней Руси // IX—XI вв. // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance): Actes du colloque nordique et international de byzantinologie tenu à Uppsala, 20—22 avril 1979. Uppsala, 1981; 6) Антинорманизм и его судьба // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы историографии. Л., 1983; и др.

ли или преуменьшали очевидные факты скандинавского присутствия в Восточной Европе в IX—XI вв.

В изучении «варяжской проблемы» И. П. занял антинорманистскую позицию. Отечественная наука убедительно показала социально-политические процессы, которые вели к формированию государственности у восточных славян в результате эволюции и распада племенного строя. Вместе с тем все более накапливались факты, свидетельствующие о пребывании скандинавов в Восточной Европе в IX—XI вв., в период становления и развития государства на Руси. Поэтому, продолжая традиции исследований В. И. Радловника, Е. А. Рыдзевской, Б. Д. Грекова (его довоенных работ), И. П. объединил эти два научных подхода, устанавливая определяющее значение местных факторов и историческое значение скандинавов. Эволюция во мнении о данной проблеме заключалась в том, что вследствие воздействия сталинской послевоенной политики недоговорядного шовинизма и национализма И. П. преувеличивал количество и значение фактов скандинавского присутствия на Руси. Но в 60-е годы его исследовательская позиция стала сбалансированной. Традиционно для советской науки 40—60-х годов озаглавливая свои работы на тему «норманистская теория в буржуазной науке», он мобилизовывал материалы, которые позволяли возможно полнее выявить присутствие и роль скандинавов на Руси. Он поддержал в 60-е годы группу молодых археологов Г. С. Лебедева, В. А. Назаренко, И. В. Дубова, Вас. А. Булкина, объединившихся на историческом факультете Ленинградского университета в семинаре Л. С. Клейна для изучения скандинавских древностей в Восточной Европе. Их исследования основывались на новой методике: 1) историкокультурно-анализировался весь состав археологических комплексов, содержащих скандинавские древности, 2) эти древности изучались в единстве с восточнославянскими и финно-угорскими памятниками материальной и духовной культуры, в среде которых они находились, 3) норманистские древности Восточной Европы рассматривались в контексте археологической культуры Скандинавии эпохи викингов. Первые же обобщающие наблюдения исследователей этого направления были столь значительны, что И. П. предложил Л. С. Клейну, Г. С. Лебедеву и В. А. Назаренко опубликовать их в виде статьи в сборнике «Исторические связи Скандинавии и России» (Л., 1970), ответственным редактором которого он являлся. Объективная позиция позволила И. П. решительно пересмотреть свою давнюю позицию противостояния «норманистам», сохраняя критику идеалистических норманистских построений в образовании Русского государства.

С 1950 г. И. П. ежегодно читал курсы истории скандинавских стран на филологическом факультете Ленинградского университета. Глубокие познания в данной исторической области стали основанием для его привлечения к написанию в 70-е годы коллективных обобщающих трудов по истории Швеции и Норвегии. Исследования И. П. получили широкую известность за рубежом, а его корреспондентами с 60-х годов становятся ведущие специалисты по истории средневековой России, скандинавских стран и Финляндии в Германии, Швеции, Финляндии, США, Польше и других странах.

Обширный круг научных интересов способствовал тому, что и поле специальных научных разработок И. П. попадали смежные проблемы, имеющие существенное научное значение: время основания Киева, начальные этапы формирования Древнерусского государства в IX—X вв., информация берестяных грамот о внешней политике Новгородского государства в XIV—XV вв., этническая структура Новгородского государства. В истории XVI—XVII вв. он изучал вопросы морской торговли на Балтике, историю крестьянства, прежде всего Карелии и Ингерманландии, развитие ремесла и возникновение мануфактурного производства в Карелии. В этом обширнейшем диапазоне исследований постоянно присутствовали специальные разыскания в источниковедении, историографии, истории архивов, последовательно использовались многообразные методы научного анализа — генеалогический, сравнительно-исторический, типологический.

Широта и внутренняя целостность интересов, исследовательских подходов и их взаимных связей способствовали объективности выводов и конструктивности позиции И. П. в дискуссиях. Эта широта интересов И. П. нашла продолжение в самых разнообразных научных проблемах его многочисленных аспирантов, в участии и организации отечественных и международных конференций и симпозиумов, в активной работе Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Кроме профессиональных знаний И. П. обладал значительными познаниями во многих областях мировой культуры. Он всегда говорил тихим ровным голосом со всеми людьми из разных слоев общества. Он был неизменно доброжелателен и терпим к иным мнениям. Только воинствующая некомпетентность, вынуждала его отрицательно отзываться о научных и околонучных сочинениях.

И. П. являлся ученым высокой исследовательской культуры. Его научное творчество было неразрывно связано со своим временем, которое оказывало на это творчество по всеобщему закону определяющее воздействие. Но и труды И. П., автора более 300 опубликованных работ, создавали условия для дальнейшего движения вперед в обширных областях исторических знаний.